

5 февраля – память священномученика Климента Анкирского

Священномученик Климент родился в Галатийском городе Анкире в 258 году от отца язычника и матери христианки. В младенчестве лишился отца, а на двенадцатом году – и матери, которая предсказала ему мученическую кончину за веру во Христа. Усы-

новившая его женщина, София, воспитывала его в страхе Божиим. Во время страшного голода в Галатии некоторые язычники бросали своих детей, не имея возможности их прокормить, и София собирала несчастных к себе, питала и одевала их, а святой Климент ►

помогал ей в этом. Он учил детей и готовил их к принятию святого Крещения. Многие из них впоследствии скончались мученически за веру во Христа.

За добродетельную жизнь святой Климент был поставлен в чтеца, а затем в диакона, в восемнадцать лет получил сан пресвитера, а в двадцатилетнем возрасте был рукоположен во епископа Анкирского. Вскоре вспыхнуло гонение Диоклетиана (284–305) на христиан. По доносу привлечен был к ответу и епископ Климент. Правитель Галатии Дометиан пытался склонить святого к поклонению языческим богам, но епископ Климент твердо исповедовал веру Христову и мужественно претерпел все мучения, которым подверг его лютый наместник. Его вешали на дереве, резали тело острым железом так, что видны были кости, жестоко били палками и камнями, вертели на колесе и жгли на медленном огне. Господь хранил Своего страдальца и чудесно исцелял его истерзанное тело. Тогда Дометиан послал святого в Рим к самому императору Диоклетиану с донесением о том, что епископ Климент был жестоко мучим, но оказался непреодолим. Диоклетиан, увидев мученика совершенно здоровым, не поверил донесению и подверг его еще более жестоким пыткам, а затем заключил в темницу.

Многие из язычников, видя мужество святого и чудесное исцеление его от ран, уверовали во Христа. К святому Клименту в темницу стекались люди для наставлений, исцелений и Крещения, так что темница превратилась в храм. Многие из них по доносу были казнены императором. Диоклетиан, пораженный удивительным терпением святого Климента, отослал его в Никомидию к своему соправителю Максимиану.

По дороге, на корабле, к святому присоединился ученик его Агафангел, избежавший казни с другими исповедниками и желавший

пострадать и умереть за Христа вместе с епископом Климентом.

Император Максимиан отдал святых Климента и Агафангела правителю Агриппину, который подверг их таким нечеловеческим истязаниям, что даже в зрителях-язычниках вспыхнуло чувство сострадания к мученикам и они побили камнями мучителей.

Получив свободу, святые исцеляли жителей города возложением рук, крестили и наставляли людей, стекавшихся к ним во множестве. Снова схваченные по распоряжению Максимиана, они были отправлены на родину в город Анкир, где князь Анкирский Куриний вновь подверг их мучениям, а затем отослал в город Амисию к наместнику Дометию, отличавшемуся особой жестокостью.

В Амисии святые мученики были брошены в кипящую известь, пробыли в ней сутки и остались невредимы. С них сдирали кожу, били железными палками, клали на раскаленные железные кровати и поливали серой. Святым всё это не вредило, и они были отправлены в Тарс для новых мучений. По дороге в пустыне святому Клименту, по его молитве, было дано откровение, что он еще 28 лет будет страдать за Имя Христово. Претерпев множество мучений, святые были заключены в темницу.

После смерти Максимиана святой Агафангел был усечен мечом. Святого Климента освободили анкирские христиане из темницы и отвезли в пещерный храм. Там, после совершения Литургии, святой возвестил верующим скорое окончание гонений и свое близкое отшествие. Святой мученик действительно вскоре был убит воинами города, ворвавшимися в храм. Святому отсекали мечом голову во время принесения им Бескровной Жертвы (+ ок. 312).

pravoslavie.ru

Евангельское чтение

О мытаре и фарисее (Лк., 89 зач., XVIII, 10–14)

Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь.

Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю.

Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!

Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится.

Проповедь на Евангельское чтение

Митрополит Антоний Сурожский

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Как весна, грядет на нас Великий Пост, как возрождение, как радость новой жизни, как обновление; и образ за образом проходят перед нами люди евангельские, которые являют нам, что стоит между нами и жизнью, жизнью вечной, открывающейся уже здесь, на земле, как радость, как торжество, как познание Живого Бога.

Сегодняшний образ – мытарь и фарисей – ясен, и вместе с тем трудно нам осуществить то, что нам так ясно: обрести добродетели фарисея и не приобрести в то же время его надменности. И, с другой стороны, прийти – не просто по сознанию нашей греховности, а глубже, по изумлению перед величием и красотой Бога – прийти в тот строй покаяния, сокрушения, который и есть евангельский строй мытаря.

Две вещи поражают в фарисее: с одной стороны, его надменность, его гордыня, а с другой стороны то, что он в себе так ошибается. Он на самом деле добродетелен, он на самом деле не хищник, не прелюбодей, не вор, как

будто даже не обманщик, он на самом деле человек, который по строжайшей своей совести старается жить согласно воле Божией. И всё это напрасно, ибо он ничего не приобретает из того, что является Божиим строем души. Потому что Бога нашего мы ведь знаем в Его бесконечном терпении, в Его кротости, в Его милосердии, в Его предупредительности, в Его смирении.

И вот фарисей стоит: он вошел в храм, как иногда мы входим в храм, зная, какое наше место там; вошел твердо, убежденно, стал перед Богом и благодарит – и прав, что благодарит... Только беда в том, что он не благодарит Бога за то, что Бог его защищает настолько, что ему удастся жить по-человечески, а благодарит за то, что он сам такой выдающийся, замечательный человек.

А кто из нас этого не делает? Не с такой наглостью, как будто, на самом же деле с такой же дерзостью. Когда мы находимся среди друзей и хвастаемся, и стараемся им показать, как мы удачливо, умно, умело, благородно поступили – что мы делаем? То же ►

Фото: patriarchia.ru

самое, что фарисей, только как бы ступенью ниже. Он хоть Божие благоволение хотел стяжать, причем большим трудом, подвигом, а мы без всякого подвига, без всякого особенного труда хотим, чтобы нас похвалили люди, не заботясь о том, что Бог об этом думает, не заботясь о том, что совесть об этом говорит, довольные собой. Какой позор, как стыдно! И на самом деле бывает стыдно, когда мы уйдем, вернемся к себе, если представим себе, какие мы были смешные, как мы подлизывались к нашим друзьям, чтобы только получить подачку, чтобы они сказали или сделали вид, что – да, мы замечательны. Как это низко и недостойно нас! Это хуже фарисея: тот, повторяю, хоть был добродетельным на самом деле, а мы – нет.

И вот, в противовес этой кажущейся добродетели, этой лжедобродетели – мытарь. Он на самом деле плох, – и в этом отношении мы все могли бы думать о себе одинаково: мы все плохи, и во многом. Если подумать о том, что мы называем себя христианами, и представить себе разницу между Евангелием и нами – кто посмеет войти и встать перед Богом? А всё-таки входим, потому что знаем, какой у нас изумительный Бог, сколько в Нем тепла, любви, ласки и терпения, и сколько Он готов положить труда на то, чтобы мы стали людьми, а потом, даст Бог, и христианами. Мы такие же, как мытарь, лишённые добра

и добродетели, но мы в одном с ним разнимся. Мы не стоим у притолоки церковной, мы не бьём себя в грудь; мы смеем поднять глаза к Богу, мы смеем к Нему идти в молитве, мы смеем идти к Нему в Причастии. Всё мы смеем...

И вот почти на границе наступающего уже Поста перед нами образ этих двух людей. Говорит молитва церковная: *Фарисеева убежим высокоглаголанья, мытаря же низкоглаголанье научимся стяжать...* Не в одних словах, конечно, дело, а в высокомерии, которое в нас есть, и в смирении, которого у нас нет. И перед нами две задачи: не только осознать себя греховными и плакаться перед Богом – этого мало; но осознать себя греховными и взять себя в руки, и сделать над собой усилие, и коли Господь допустил называться именем Его – христианами – попробовать быть достойными этого Его удивительного смирения. Братьями Он нас называет: *нас-то!* И, с другой стороны, нам надо научиться понимать, что при всём нашем усилии, это всё же только усилие, а помощь, а успех, а дары – только от Бога. И лишь соединение в себе подвига одного и смирения другого может нас сделать христианами.

Вдумаемся хотя бы в продолжении наступающей недели в то, что мы собой представляем, чем мы похожи на фарисея, переберем тех друзей, те обстоятельства, места, где мы себя проявляем иногда – и начнем меняться. А когда придем в храм – будем помнить, что только Божией милостью, только Его жалостью и терпением мы можем здесь стоять. По достоинству нам нет здесь места. И тогда поплачем в сердце, опять-таки не надменно, не напоказ, а в сердце. Пусть станет нам стыдно и жалко; и если станет достаточно стыдно и достаточно жалко, может быть, и мы подвигнемся, как блудный сын, войти в себя, встать и пойти к Отцу, к Богу. Аминь.

mitras.ru

Волшебство зимы

Татьяна Корчагина

Оставить дело незавершенным – значит собственноручно перенести проблемы прошлого года в новый. Вера ничего подобного не хотела, а потому все-таки собралась с духом и позвонила Инне Николаевне.

– Конечно, Верочка! Приезжай, я буду дома. В любое время. Досчитав до трех, Вера постаралась взять себя в руки и уточнить:

– Вы уверены? И в магазин не пойдете? И я не помешаю вашим гостям? Сегодня же тридцать первое!

– Да-да, канун Нового года, – с улыбкой в голосе подтвердила Инна Николаевна. – Не беспокойся, дорогая, я буду ждать.

– Хорошо, я заеду сегодня.

Вера с силой провела пальцем по смартфону, отключая вызов, и поморщилась. Ну что за женщина! Кто ей разрешал говорить с такой фамильярностью! Инна Николаевна была второй женой отца. Того самого отца, который ушел из семьи, когда Вере было всего пять лет, и потом ни разу не проявлял ни заботы, ни любви. Он умер полгода назад, но ни Вера, ни ее мама так и не заехали к этой женщине, чтобы забрать...

А что там вообще можно было забрать? Двадцать лет спустя! Разве могло у Семена сохраниться что-то, что было частью их жизни? Инна Николаевна утверждала, что да, а Вере казалось, что над ней просто издеваются. Сегодня снег шел с самого утра, но дороги были свободными, поэтому Вера надеялась вернуться домой через пару часов и успеть к началу приготовления праздничного стола. Мама с Надей уже отправились за последними покупками, Денис, отчим Веры и отец Нади, уже начал резать салаты, а потому миссию по расставлению точек над *i* Вере пришлось исполнять одной. Девятиэтажный дом, в котором жила Инна Николаевна, находился за чертой города, хотя и около ме-

тро. Вера с трудом нашла место для парковки и даже оставила записку, что скоро уедет: боялась, что кто-нибудь из местных вызовет эвакуатор. Войдя в подъезд вместе с жильцами, Вера поднялась на пятый этаж и нажала на кнопку звонка. Громкий и резкий звук заставил ее вздрогнуть. Замок щелкнул почти сразу, будто хозяйка караулила под дверью.

– Верочка! Дорогая! – Инна Николаевна протянула руки для объятий, и Вера заставила себя не отшатнуться. – Как я рада тебя видеть! Проходи! Ну и погода! Снег да снег. Весь мир замело. И ты словно Снегурочка! Хозяйка пропустила гостью в квартиру и подала плечики для одежды.

– О, – выдохнула Вера, натянуто улыбаясь, – у меня очень мало времени, я должна бежать.

– Ну что ты! Что ты, дорогая моя! Разве я могу тебя вот так сразу отпустить? И даже чаю не выпьешь? А я тут пирог приготовила. Яблочный. С корицей. И варенье у меня есть. Сама закрывала. Вера разулась, но верхнюю одежду снимать не стала.

– Инна Николаевна, я действительно очень спешу. Меня ждут.

– Ах, да-да, понимаю. Праздник! Тогда я заверну тебе пирог с собой. И варенье тоже. Ты же на машине?

– Да, – кивнула Вера.

– Вот и хорошо. Вот и славно!

Хозяйка засуетилась, а Вера смогла оглядеться. Самая обычная двухкомнатная квартира, узкий коридор, маленькая кухня. Старый ремонт, несколько картин на стене, множество вязаных вещей на всех возможных поверхностях. Подушки, покрывала, салфетки – вязаный мир. И никаких фотографий с улыбающимися лицами и интересными пейзажами за спиной. И конечно же отец не стал бы распечатывать те фото, что ►

иногда ему присылала мама. Просто из-за обиды на него.

– А как вы собираетесь праздновать? – во внезапном порыве спросила Вера, заглядывая в кухню. Даже здесь было много вязаного и цветного. – Идете к друзьям? Инна Николаевна заворачивала блюдо с пирогом в фольгу. Она рассмеялась, услышав вопрос:

– К друзьям? О нет, Верочка, нет! Какие у меня друзья? Несколько знакомых по работе. Все, что у меня было, это Семен. Теперь уж никого. Но не беспокойся, дорогая! Я прекрасно проведу время! Посмотрю фильм. Дождусь курантов. А там и спать пойду.

– А родители?

– Давно уж нет. – Буднично отмахнулась хозяйка и обернулась, поднимая тяжелое блюдо. – Ну, вот вам и гостинец. Пирог по семейному рецепту. Если понравится, я с удовольствием расскажу, как готовить. И варенье не забудь. Твой отец помогал готовить.

– Спасибо! Но не стоило. – Вера немного смутилась и поспешила в коридор обуваться.

– А вот коробка с вещами. – Хозяйка указала на угол. – Я давно уж приготовила. Хочешь посмотреть?

– Я бы с радостью, – солгала Вера, – но очень спешу.

– Да-да, понимаю! – закивала Инна Николаевна и тоже начала одеваться, поставив свою ношу на комод.

– Помогу донести до машины, – объяснила она.

Вера выезжала на дорогу со странным чувством облегчения и вины. Она так много фальшивого и злого подозревала в Инне Николаевне, но при личной встрече ничего из этого не смогла в ней обнаружить. Навивная, одинокая, немного странная. Смятение и жалость бушевали метелью в душе Веры. Она постаралась от этого отстраниться. Дело сделано – и баста! Можно вздохнуть с облегчением. Вера покосилась на коробку на соседнем сиденье. Двадцать лет без отца. В какой-то мере отца заменил Денис, но Вера все равно немного завидовала сестре. В обычные дни она почти и не думала о том, что ее

родной отец совершенно ей не интересуется, но в особенные дни, например, на выпускном балу, во время поступления в институт и на церемонии вручения диплома, Вера внезапно вспоминала: а этому человеку я не нужна. И радостное событие тускло, приобретало черный ореол. Если ты знаешь, что родитель не любит тебя, то в твоём сердце селится тьма и даже самая горячая любовь тысячи человек не сможет ее разогнать. Тем временем метель усиливалась, а машины двигались все медленнее. Вера, сверившись с навигатором, внезапно осознала, что, какой бы путь домой ни выбрала, все равно не попадет домой и через два часа. Эта мысль пронзила холодом и страхом. И вот нужно было ей ехать за этой коробкой именно сегодня! Почему она тянула до последнего дня?! Метр, еще метр. И вот машины встали. От негодования Вера была готова разрыдаться или закричать. С силой сдернув крышку, она посмотрела вовнутрь. Рамки из-под фотографий, рядом что-то вязаное.

Вера начала вытаскивать предмет за предметом, приглядываясь. Сначала яростно, потом спокойней и в конце концов с некоторым недоумением. На фотографиях была она и Надя. И везде подпись. Имя и дата. И еще вязаные вещи. Среди них два шарфа и две шапки. Не на взрослого, скорее для подростка. С именами вместо узора. Верочка и Наденька. Вера быстро заморгала, стараясь справиться с собой. Мама присылала фотографии отцу, но распечатывала их его жена. Его одинокая вторая жена, у которой теперь не было ни родителей, ни мужа. И детей у нее никогда не было. И эти ужасные шарфы! Такие же ужасные, как те салфетки и подушки...

Руки сами потянулись к телефону:

– Инна Николаевна! – Голос Веры дрожал. – А вы не хотите сейчас приехать к нам? Только воспользуйтесь метро! Согласны? Записывайте адрес.

*Из книги издательства «Никея»
«Новогодние и рождественские рассказы
будущих русских классиков»*

Вопрос священнику

Как правильно здороваться со священником?

«Как правильно здороваться со знакомым священником, когда встречаешь его не в храме, а в общественных местах – в парке, магазине или на улице? Кто-то из мужчин просто здоровается за руку, кто-то лобызается, а кто-то, чаще всего женщины, подходят под благословение и целуют руку. А как правильно – для мужчин и для женщин? Или здесь нет никаких правил и традиций?»

Отвечает священник Виктор Гавриш.

– Когда мы вне храма встречаем священника, то тут есть два ключевых подхода. Если священник в облачении, то тогда мы можем смело подходить и брать благословение. Понятное дело, что если священнослужитель идет с детьми гулять в песочницу, сидит там с какими-нибудь формочками и в этот момент кто-то подходит к нему и говорит – «Батюшка, благословите!», то это бывает не очень удобно. Или в магазине,

Фото: Дзен.Pravmir.ru

особенно если человек громко, на весь магазин говорит: «Ой, батюшка!» А батюшка в это время, например, в какой-нибудь цветастой рубашке и шортах.

Я, бывает, катаюсь на роликах, и регулярно встречаю на набережной некоторых своих прихожан. А я в этот момент на роликах, в защите, на руках перчатки – ну, в общем, не самая удобная одежда для благословения, да и необходимости, собственно говоря, в этом нет. Потому что можно просто сказать «добрый день» или «здравствуйте» – и этим ограничиться.

Если человек (как правило – мужчина) близко знает священника, то он может подойти поздороваться и по традиции трижды облобызаться. Это можно сделать, если отношения действительно достаточно близкие – друг семьи или же алтарник в храме. Но и не всегда это бывает уместно – в театре, например, или в метро.

Со мной был подобный случай, я в московском метро на станции встретил прихожанина из храма, где я служил раньше, лет 10 назад. Мы поздоровались, кругом было шумно и никакого разговора все равно не получилось бы. Поэтому мы просто обменялись приветствиями и пошли дальше.

Наверное, тут надо просто исходить из уместности данного действия. Если священнослужитель акцентирует внимание на своем статусе, идет в рясе, с крестом, то будет правильно взять благословение. Если священник находится в общественном месте, пришел туда по своим делам в обычной гражданской одежде, благословение у него брать будет не слишком удобно. Должна быть деликатность и чувство такта.

Дзен.Pravmir.ru

«Это очень страшно, никто не понимает, что с нами делать, как лечить»

Катю обследуют уже три года, но не могут поставить точный диагноз. У девочки всё время проявляются новые симптомы.

Родилась Катя здоровенькой. Только с большим пигментным невусом на лице. Оно закрывало весь глаз, верхнее и нижнее веко, переходило за ухо. Врачи сразу направили девочку к онкологу и дерматологу. «Мы и до сих пор наблюдаемся», – говорит Олеся, но никаких патологий у Кати тогда не выявили. Сказали, живите спокойно, главное – не онкология.

Они было и зажили спокойно, но в 10 месяцев, когда девочка пошла, Олеся заметила, что ходит Катя как-то неуверенно: все время падает. Они, конечно, стали наблюдаться у невролога, но причину неустойчивости врачи тоже не могли объяснить, списывали все на высокий мышечный тонус ребенка. Но чем дальше, тем больше Катя падала – трижды ей ставили сотрясение мозга.

Олеся решила детально обследовать дочку. Девочке провели комплексную МРТ и обнаружили гетеротопию левой теменной области – скопление клеток серого вещества».

Также Кате сделали ЭЭГ-мониторинг ночного сна и выявили эпилепсию. «Врачи сказали, что и эпилепсия, и изменения в головном мозге – следствие травм. Но не могли объяснить шаткость походки и причину частых падений дочки».

Через год к недержанию мочи прибавилось недержание стула. «Мы уже ходили в детский садик, и это был кошмар – никто из воспитателей не хотел возиться, менять Кате памперсы, да и детям не объяснишь».

Недавно в Федеральной клинике РДКБ врачи порекомендовали исследовать генетику, сделать генетический анализ – полноэкзомное секвенирование. Чтобы выявить поломки в ДНК, установить причину странных симптомов и понять, как и чем лечить девочку дальше.

Анализ стоит дорого и не предоставляется по ОМС. Олеся воспитывает двух дочек одна. Им очень нужна помощь. Пожалуйста, помогите.

*Вы можете помочь, отправив СМС
с суммой пожертвования на короткий номер 8916.*

